

Светлана Демидова
Свидание в неоновых сумерках

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164446
Свидание в неоновых сумерках: Эксмо; М.: 2007
ISBN 978-5-699-21191-3

Аннотация

Как могло случиться, что за всю почти сорокалетнюю жизнь Татьяна не стала ни для одного мужчины любимой и желанной? Неужели она, стройная и симпатичная, не может никого заинтересовать? Ведь был же у нее в школьные годы парень, подаривший ей радости нежной страсти. Но это давно кончилось. А сейчас... День за днем Таня ходила на работу – и никакой перспективы познакомиться не имела. Правда, ей нравился сотрудник Олег Дунаев, но он был безнадежно женат... И тогда деятельная подруга Сима решила устроить Тане встречу с весьма положительным сыном одной своей знакомой...

Светлана Демидова

Свидание в неоновых сумерках

– Все! Больше не могу! Надоело – сил нет! – бушевала Сима Рудельсон, смоля сигарету за сигаретой в закутке для курящих возле дамского туалета.

Закуток был импровизированный, отгороженный от коридора щитами с пожелтевшей от времени наглядной агитацией. На самом красивом и хорошо сохранившемся щите был изображен Владимир Ильич Ленин с рукой, укоряюще вытянутой в направлении щербатого блюдца, в котором дамы конструкторского бюро № 2 давили окурки. Вместо столика под блюдце и локти сотрудниц КБ использовалась четверть доски от кульмана, уложенной на постамент из-под бюста того же Владимира Ильича. Сам бюст был очень выгодно продан коллекционерам, но заведующий хозяйственной частью КБ, осуществивший эту смелую операцию, утверждал, что безвозмездно отдал его товарищам, живо интересующимся историей собственной страны, в отличие от других, равнодушных и не интересующихся...

Курительный закуток был таким маленьким, что в нем свободно умещались не более двух человек, а потому время посещения его было строго расписано. Листок с расписанием курящие женщины даже вывесили при входе, как расписание кварцевания медицинского процедурного кабинета. Все тот же предприимчивый заведующий хозяйственной частью перед нашествием очередной комиссии по проверке противопожарного состояния вверенного ему учреждения разорял этот закуток, но, поскольку выбросить на свалку Владимира Ильича у него не поднималась рука, вышеозначенный закуток с завидным постоянством снова восстанавливался трудолюбивыми и эмансипированными женщинами конструкторского бюро № 2. В этом живописном месте друг против друга на колченогих стульях времен плана ГОЭЛРО плюс электрификация всей страны и сидели сейчас две подруги, покуривая «Золотую Яву».

Одну из подруг, а именно Симу Рудельсон, вообще-то звали Симоной, но это имя казалось ей претенциозным, особенно в окружении Наташ, Людмил, Татьян и Анастасий. Мужнина фамилия Рудельсон тоже была не лучшей в этом смысле, но все-таки попримечнее ее девичьей – Пукерман. Понятно, что Сима была еврейкой, и, надо сказать, не худшей представительницей этой нации. У нее были очень густые иссиня-черные волосы, выющиеся отдельными змеевидными прядями, и иконописное лицо с оливковой гладкой кожей, прямым носом, небольшим ртом и огромными карими глазами. Дело несколько портила грузная фигура, но Сима на сей счет не очень расстраивалась. Она давно уже выработала свой стиль одежды, который очень удачно маскировал недостатки ее фигуры. Она носила свободные, бесформенные сарафаны и платья с мелким и частым набивным рисунком, огромное количество бус, цепочек и ожерелий, надетых одновременно, а также сабо на толстых платформах. Сима ходила по конструкторскому бюро, позванивая десятком браслетов самой вычурной формы, и вплетала в волосы кожаные ремешки. Ее верхняя одежда представляла собой объемные драповые пальто мужского фасона с квадратными плечами, а-ля «Агент 007», и черные шляпы с полями, как у итальянской мафии начала прошлого века. Шею Сима Рудельсон обматывала длинными яркими кашемировыми шарфами и была очень довольна собой. Ее полное имя Симона гораздо меньше контрастировало с какой-нибудь Натальей, чем браслеты, кожаные ремешки и мафиозные шляпы – с безликими джинсиками и куртешками сотрудниц ее КБ, но это почему-то Симу не волновало. Она считала, что каждая женщина не только имеет право, но и просто обязана подавать себя обществу в самом выгодном для нее свете.

... – Можно подумать, что у нас с тобой есть выбор! – ответила ей подруга, которая как раз «звалась Татьяной». К обыкновенному русскому имени прилагалась и самая типичная

славянская внешность: слегка курносый нос под светло-серыми глазами, едва заметная россыпь веснушек на розовых щеках и завязанные в хвостик на затылке прямые русые волосы. Фигурой Татьяна обижена не была, а потому не нуждалась в вычурных ухищрениях в стиле Симы Рудельсон. В основном она носила черные джинсы, джемперочки, кроссовки, спортивного покроя куртки и вязанные шапочки. Из украшений на ее шее болталась только серебряная цепочка с крестиком, а в ушах – маленькие, тоже серебряные, сережки без камешков.

– Мы, Таня, просто никогда над этим серьезно не задумывались. – Сима яростно раздавила в уже упомянутом блюде окур, в очередной раз звякнув браслетами. – Плыли по течению и все! А надо барахтаться, понимаешь, ба-рах-тать-ся! Как та самая лягушка, которая упала в молоко и сбила из него масло!

– Знаешь, Сима, барахтайся не барахтайся, а если я ничего не умею, кроме как делать детализовку и чертить узлы в аксонометрии, то ничего все равно не выйдет!

– Между прочим, те, которые сейчас не гниют в КБ, а нежатся на пляжах Акапулько, тоже не сразу стали миллионерами. Они тоже... начинали с малого...

– Например? – усмехнулась Татьяна и выглянула из закутка. Огромные часы на стене коридора недвусмысленно показывали, что обеденный перерыв подходил к концу. Она посмотрела на подругу и торжественно объявила: – Тебе осталось всего семь минут на то, чтобы объяснить мне, как те... ну... из Акапулько стали миллионерами.

Сима Рудельсон сделала вид, что не заметила иронии Татьяны, и, не тратя понапрасну времени на отдыхающих миллионеров, стала предлагать свои планы по быстрому и безболезненному обогащению.

– Кто нам мешает заняться, например... продажей чего-нибудь... какой-нибудь косметики или моющих средств, что ли... Косметика и стиральные порошки будут нужны всегда, при любом режиме и любом раскладе политических сил в стране!

– Сима! – рассмеялась подруга. – Ты вспомни, как на прошлой неделе мы пытались продать мой новый синий костюм. Он так и истлеет у меня в шкафу. И почему я сразу не заметила, что пиджак маловат?

– Таня! Костюм – это не стиральный порошок! Костюм – дело индивидуальное... И потом, откуда у наших бабешек деньги на такой костюм? Вспомни, сколько ты на него собирала?

– Все равно ты говоришь глупости, Симонка! – отрезала Татьяна и поднялась со стула. Ввиду своего преклонного возраста он тут же скривился на сторону и прислонился гнутой венской спинкой к Владимиру Ильичу, который был значительно моложе. Татьяна помнила, как Ильича, тогда еще свеженарисованного, вешали в красный уголок КБ, когда она только пришла оформляться на работу после окончания института.

– Почему? – спросила Сима.

– Ты только прикинь: где мы с тобой будем брать эти порошки? – развела руками Татьяна. – Где продавать? Да и вообще, меня на рынке всегда обсчитывают! Мигом вылетим в трубу!

– Зато у меня всегда хорошо было с устным счетом! Вспомни, как наши никак не могли сообразить, кому сколько сдачи дать после сбора на подарок шефу, а я мигом все просчитала, и, заметь, в уме! А на калькуляторе, думаю, и ты сосчитаешь!

– Все, Сима, – опять резко оборвала подругу Татьяна. – Не хочу больше ничего слушать про порошки! Мне торговля, если хочешь знать, вообще претит! Пошли чертить! Обед кончился.

– Неужели ты, Танька, не видишь, что мы с тобой работаем, как в средневековой пещере! На дворе XXI век, а мы все на кульманах шкрябаем карандашиками «Конструктор» томской фабрики! Все нормальные люди давно уже на компьютерах в AutoCAD-е чертят!

– Ну и ладно! Леня мне переучиваться!

– Вот в этом-то и состоит суть вопроса! – Сима подняла вверх указательный палец, и соскользнувшие вниз браслеты опять мелодично звякнули. – Все дело в вашей русской лени!

– Если ты со своей еврейской расторопностью и предприимчивостью придумаешь что-нибудь получше стирального порошка, то даю слово, что обдумаю твое предложение! – улыбнулась Татьяна и проскользнула за свой кулман.

В течение рабочего дня Сима еще несколько раз подходила к подруге с самыми разнообразными предложениями: от выращивания экзотических кактусов на продажу до организации курсов машинного вязания, причем перспективы задуманных предприятий виделись ей в стиле Нью-Васюков знаменитого сына турецкоподданного:

– Ты представляешь, мы же с тобой потом... если все пойдет удачно... сможем организовать модный дом, ради которого я даже пожертвую своим громким именем – Симона...

– Симка! – морщилась Татьяна. – У нас нет вязальной машины! И вообще я ненавижу вязать!

– Ну... это же я к примеру... Можно не вязать. Можно шить, вышивать, заниматься макраме, наконец!

– Ну и кому нужно твое макраме?

– Так это же смотря какое макраме! Если оно будет стильное и... Это... как его... Эксклюзивное! То все еще в очередь записываться будут!

– Представь, что я вообще не знаю, как это макраме делается!

– Ну и что? Я тоже не знаю! Но можно же научиться! Главное – это начать, а дальше все само пойдет как по маслу! Вот увидишь!

– Сима! Когда нам учиться? Нам уже самое место на вечерах «Для тех, кому за тридцать», где, кстати, желательно не уточнять, насколько хорошо нам за тридцать!

– Ну ладно! Можно попытаться разбогатеть в другой области. Например, чем тебе не нравятся кактусы? Можно втихаря отщипывать кактусиных деток в разных местах... совершенно бесплатно – и их выращивать! И это, заметь, будет абсолютно нравственно, если ты на этот счет переживаешь! Всем известно – лучше всего растут украденные цветы.

– Ну и кто будет покупать твои кактусы? – Татьяна чертыхнулась, сломав карандаш, и, обойдя Симу, как неживой предмет, направилась к точильной машинке. Подруга тотчас прибежала следом.

– Как это кто? – возмутилась она глупым вопросом Татьяны. – Разумеется, кактусоводы!

– Ну вот что, Сима! Не желаю я красть «в разных местах» цветы не только для кактусоводов, но также и для фиалкоманов, и даже для геранелюбов! Заруби себе это на своем библейском носу и не мешай мне штриховать! Уйди с моих глаз, пожалуйста!

После работы, когда подруги ехали в троллейбусе до метро, Сима Рудельсон продолжала фонтанировать идеями.

– А что, если нам придумать какую-нибудь новую оздоровительную систему вроде аэробики, шейпинга и прочих? – шептала она подруге в ухо, чтобы кто-нибудь ненароком не покусился на ее ноу-хау. – Я, знаешь, на стенде нашего ДК видела приглашение на курсы какого-то стретчинга. Видишь, люди на достигнутом не останавливаются.

– Что еще за стретчинг?

– Понятия не имею! На стенде было написано, что это смесь аэробики, хореографии и еще чего-то, мне совершенно непонятного. И годится все это для детей не старше пяти лет.

– Вот видишь! Мы же не можем заниматься с детьми!

– Почему это не можем? Да с детьми, если хочешь знать, заниматься еще и легче!

– Не уверена! Нужно специальное образование! – упрямо возражала Татьяна.

– Таня! Кто нам мешает усовершенствовать этот стретчинг и применять его для подходящего тебе возраста?

– Почему возраст должен подходить именно мне?

– Да потому что тебе все не нравится!

– Мне не нравится, когда ты предлагаешь мне заниматься не своим делом! Чтобы преподавать оздоровительные системы и детям, и взрослым, надо же хоть немного знать медицину и... все такое... – Татьяна не сдавалась.

– Ага! В этих ДК все, как один, доктора медицинских наук и мастера спорта международного класса! В конце концов, можно не зарываться и организовать простенькие курсы для похудания. Знаешь, сколько бабешек набегит!

– Если преподавать им будешь ты, Сима, то они как прибежали, так и убегут обратно. И весьма резво!

– А ты на что? У тебя фигура как раз подходящая! Ты будешь преподавать, а я буду мозгом этого предприятия!

– Ну а если они не похудеют, тогда что?

– Можно подумать, что кто-нибудь от подобных курсов худеет? Попросим моего Марка. Он нам на компьютере таких дамских фоток наляпает, которые были «до» наших курсов и стали «после», что весь холл ДК можно будет облепить. А те, которые не похудеют, пусть пеняют на себя! Значит, плохо старались!

Троллейбус привез подруг к метро. Они спустились на эскалаторе вниз и остановились у перехода, где им предстояло разойтись на разные ветки.

– Я вижу, что тебя курсы похудания все же заинтересовали, – сказала Сима, поправляя шляпу в стиле дона Корлеоне.

– С чего ты взяла? – удивилась Татьяна и надвинула на глаза вязаную бежевую шапочку периода начала перестройки.

– Ну... ты все-таки по поводу курсов не острила, как насчет фиалкоманов...

– Как я сегодня устала от тебя, Симонка! Если бы ты знала!

– Это ничего, – не обиделась Сима. – Сейчас ты от меня отдохнешь, а потом все-таки обдумай поступившие предложения. И вот еще что: магией тоже неплохо бы заняться! Очень денежное дело!

– Си-и-има! – Татьяна взывала так, что на подруг оглянулся пожилой дядечка в подростковой дутой куртке и очень неодобрительно покосился на Симинову шляпу.

– Все! Молчу! – Симона прижала к груди руки в кроваво-красных перчатках, потом чмокнула подругу в щеку и пошла в сторону перехода на станцию «Невский проспект».

Татьяне надо было ехать до «Выборгской». Устав от трескотни Симоны, она старалась ни о чем не думать и, прислонившись к надписи «Не прислоняться», отдалась на волю судьбы. Ее толкали, пихали сумками, ручными тележками и пакетами, но она уже давно научилась в метро расслабляться и ни на что не реагировать.

Выйдя на улицу, Татьяна зашла в ближайший к дому универсам, купилапельменей, салат из морской капусты в пластиковой коробочке и пару булочек с маком. По этому набору продуктов всякий догадался бы, что дома ее никто не ждет. Так оно и было на самом деле. Она жила одна в маленькой однокомнатной квартире, которую ей оставила умершая два года назад бездетная тетка.

Татьяна Громова была вульгарной (в значении: простейшей) старой девой. Она не была замужем никогда. Сначала она, как и всякая девушка, очень хотела выйти замуж немедленно после наступления совершеннолетия, потом стала надеяться выйти когда-нибудь в будущем, потом перестала надеяться, а в настоящее время уже совершенно не хотела никуда выходить. Она вдоволь насмотрелась на Симону, которая пыталась разводиться со своим Марком раз десять. В очередной раз объявив его вульгарным (в значении: пошлым, грубым) бабником и

Казановой, Сима на месяц переезжала к Татьяне. Потом они с мужем бурно мирились, потом снова ссорились и снова мирилась. В этих перманентных ссорах-замирениях они так и не успели родить себе маленького Рудельсона, а потом в организме Симы что-то разладилось, и врачи в один голос объявили, что детей у нее не будет никогда.

Татьяна не успела еще снять куртку, как раздался телефонный звонок.

– Ну как? – услышала она жизнерадостный голос Симоны. – Что ты решила? Что тебе больше нравится: стретчинг или магия?

– Сима! Я только зашла и хочу есть! – взмолилась Татьяна.

– Быстро ставь воду дляпельменей! – Симона нисколько не сомневалась в вечернем меню подруги. – Я подожду.

Татьяна обреченно поплелась на кухню, так и не скинув куртки, поставила на газ любимую кастрюльку с петухом на боку и вернулась к Симе.

– Ну! – пискнула она в трубку, что означало: «Говори быстрее, а то уже никаких сил нет!»

– Не «ну!», а отвечай на поставленный вопрос, – твердо потребовала подруга.

– Мне, Сима, все равно: стретчинг или магия, потому что ни в том, ни в другом я ничего не понимаю.

– Ну уж в магии и понимать нечего! Видела же передачу «Мы всегда с вами!». Там теткам звонят из разных городов, а они свечами обставились и гнусавят: «Выходите замуж!», «Не выходите замуж!», «У вас впереди серьезный брак и муж, за которым вы будете как за каменной стеной!» Можно подумать, что ты так не сможешь?

– Конечно, не смогу. Я же не ясновидящая! Думаю, что и ты не сможешь.

– Я не смогу? – зловеще возмутилась Сима. – Да у них там все звонки подставные! Неужели ты такая наивная, что не понимаешь?

– Не понимаю, как это подставные?

– Так это! Иди загружай пельмени, а потом я тебе расскажу.

Татьяна знала, что спорить с Симой бесполезно, поэтому молча повиновалась.

– Так вот! – приступила к объяснению Симона. – Представь, я сижу в студии со свечой и с загадочным выражением лица, а ты мне звонишь. Я сначала делаю вид, будто долго на тебя настраиваюсь, потом, закатив глазки, говорю, что мне кажется, будто у тебя в прошлом месяце была тяжелая душевная травма. А ты радостно кричишь: «Надо же, как вы угадали!», а я тебе после этого обещаю, что все будет о'кей, а на Пасху ты даже выйдешь замуж за депутата Государственной думы.

– А если тебя, Симка, – развеселилась Татьяна, – попросят кого-нибудь приворожить?

– А я скажу, что черной магией не занимаюсь. Хотя за деньги можно немножко и позаниматься. Иди помешай пельмени.

– Ладно тебе. Съем непомешанные. Сим, а если не приворожится? Что будешь делать? Или как с похуданием: к которым не приворожились, пусть пеняют на себя? Плохо хотели?

– Это один из вариантов ответа. Можно еще свалить на карму, а на худой конец – и деньги отдать. Ну, как тебе магия?

– Ты меня здорово повеселила, Симка, а теперь я, пожалуй, пойду есть свои пельмени. Наверняка уже сварились, – улыбнулась Татьяна, представляя лицо подруги.

– Значит, и магия тебя не вдохновила?

– Ни в малейшей степени! И вообще, я тебе официально заявляю, что разводить людей на деньги не собираюсь: ни с помощью стретчинга, ни магией, ни кактусами.

– Ну и глупо! – обиделась Сима и повесила трубку.

Татьяна вздохнула, выложила в тарелку пельмени, полила их позавчерашней сметаной, сбоку пристроила морскую капусту и села перед телевизором. По одному из каналов она наткнулась на фильм о японских гейшах. Она даже и не догадывалась, что это не только

профессия, но и образ жизни, к тому же весьма нелегкий, полный жертв и самоограничений. После гейш она настроилась на наслаждение приключенческим фильмом вприкуску с булочками с маком, но на столике опять зазвонил телефон. Татьяна нехотя сняла трубку.

– Танька! Эврика! – завопила ей в ухо Сима. – Я сейчас смотрела фильм про гейш и поняла – это как раз то, что надо.

– По-моему, тебе, подруга, совсем крышу снесло! – уже довольно раздраженно заметила ей Татьяна.

– Ничего подобного! Гейшинизм, да простят меня японцы, – это же невозделанный в других культурах пласт! – заявила Сима.

– И как же ты собираешься его возделывать? – спросила Татьяна и тут же пожалела об этом, потому что на экране уже кто-то кого-то убил, а она не успела заметить, кто и кого.

– Знаешь, я не могу сейчас об этом говорить. – Сима снизила голос до шепота, и Татьяна поняла, что в комнату вошел Марк. – Это не для мужских ушей. На работе переговорим. Все! Целую!

На следующий день про гейш подруги поговорили вскользь, между делом. Как только Татьяна увидела Симу, поджидающую ее в переходе метро с большой дорожной сумкой и пластиковым кошачьим сундучком у ног, то сразу поняла, что у Рудельсонов опять наступили критические дни.

– Я его больше никогда не прощу, – вместо приветствия сказала Сима, сдувая с лица картинно спущенные волнистые пряди.

– Свежо преданье, – улыбнулась Татьяна и взялась за одну из ручек огромной Симиной сумки. – Не понимаю только, для чего ты столько барахла вечно с собой берешь? И Жертва твоя мне осточертела! Она разодрала уже весь диван! Куда мы ее сейчас денем? В камеру хранения не примут.

– Таня! Наивная! За деньги кого хочешь куда хочешь примут! И еще попросят завтра принести!

Жертвой в просторечье прозывалась любимая кошка Симоны. На самом деле ее звали Маргарет-Жаклин-Валуа. Маргарет-Жаклин-Валуа была невероятно персидской, породистой кисой, имела сногшибательную родословную, которая занимала собой три листа, склеенные гармошкой, и хранилась в особой кожаной папочке с золотым тиснением. На эту Маргарет вместе с кожаной папочкой Сима ухлопала две свои зарплаты и очень гордилась, что обладает таким сокровищем. Когда сокровище «стерилизовали» во младенчестве, оно горько плакало и долго болело. Марк Рудельсон, жалеючи бедное безответное животное, которым люди нагло распорядились по собственному усмотрению, как-то назвал кошку жертвой кастрации. Второе слово благополучно затерялось во времени, а первое – Жертва – превратилось в кличку. Жертва в конце концов напрочь забыла о том, как люди подло с ней обошлись, о своих потерях совершенно не сокрушалась, а, наоборот, даже извлекала из них пользу, ибо стала ленива и апатична до безобразия. Она так часто валялась на диване в состоянии прострации, расслабленности и созерцания, что поначалу испуганная ее «подозрительным» состоянием Сима приносила ей еду, что называется, прямо в постель и собственноручно вкладывала в грациозно раскрывающуюся усатую кошачью пасть. При этом Марк со словами «Черт знает что такое!» немедленно уходил куда-нибудь подальше от этой пасторали и обещал, что Жертва скоро полностью оправдает свое имя, потому что он как-нибудь лично опустит ей в «ротик» немножечко стрихнина. В конце концов к расслабленным манерам кошки все привыкли, а со временем вообще забыли про ее тисненую родословную, тем более что Жертва ела все подряд, никогда ничем не болела и всегда пребывала в спокойном настроении. Сима стала относиться к Жертве, как к обычной дворовой Мурке, но тем не менее очень любила.

– Татьяна! Не могу же я оставить кошку этому живодеру! – вскрикнула на все метро Симона. – Ты же знаешь, что он обещал с ней сделать!

– Если она не прекратит рвать мой диван, то с ней это сделаю я!

– Не волнуйся! Диван будет в целостности и сохранности! На этот раз мы взяли с собой когтедралку!

Татьяна вздохнула:

– Похоже, ты решила у меня обосноваться надолго...

Сима взяла в одну руку сундучок с Жертвой, другой ухватила за ручку своей необъятной сумки и, разделив все слова на слоги, с большим пафосом произнесла:

– Я ни-ког-да к не-му не вер-нусь!

– Никогда не говори «никогда»! Слыхала, наверно, эту фразу? Сейчас очень модно так говорить! – улыбнулась Татьяна.

– Тань! Ну ты же моя подруга! Ты же знаешь, сколько я от него вытерпела! Всему же есть предел!

– Не хотите же вы, Симона Иосифовна, сказать, что собираетесь снимать у меня угол всю оставшуюся жизнь! – Ужаснувшись подобной перспективе, Татьяна даже приостановилась на лестнице, но толпа людей, спешащих на службу, опять понесла их вперед.

– А что такого? Неужели тебе, Танька, не одиноко? – Сима попыталась заглянуть подруге в глаза, но поля шляпы здорово мешали.

– Ты прекрасно знаешь, что я уже привыкла жить одна, а тебя выносить целый день: и на работе, и дома – удовольствие небольшое!

– Ну... Месячишко-то выдержишь! Не впервой! А там, если бизнес пойдет, я что-нибудь себе сниму.

Татьяна решила ничего не спрашивать про бизнес, чтобы Симу не понесло по вчерашним рельсам. Она спросила про Марка:

– Лучше расскажи, что такого твой Рудельсон умудрился отчебучить за ночь, что ты очередной раз решила не прощать его никогда? Насколько я помню, он был дома, когда ты мне звонила на предмет пласта гейшинизма.

– Вот именно, что сначала был, а потом его – раз – и не стало! Он воспользовался моей невинной фразой: «Это не для мужских ушей» – и привязался: «Что, да как, да что я имею в виду, да что от него скрываю!» Я пыталась свести все к гинекологическим проблемам, но он заявил, что почему-то раньше я этих проблем от него не утаивала.

– Ну а ты?

– А я, Танька, ты уж прости, стала говорить, что это не мои, а твои гинекологические проблемы! А он, представляешь, стал рваться к телефону, чтобы тебе позвонить и проверить.

– Ну и дала бы ему позвонить!

– Да?! А что бы ты сделала, если бы ни с того ни с сего услышала его голос, который спрашивает, есть ли у тебя гинекологические проблемы?

– Вообще-то не знаю! – расхохоталась Татьяна.

– То-то и оно, – вздохнула Сима.

– Ну а что было дальше?

– А дальше, Танька, все как всегда: слово за слово, а потом он ушел и, между прочим, целую ночь отсутствовал. А утром, представь, пришел... такой веселый... Весь в коньяке и духах...

Весь рабочий день опечаленная Сима провела за своим кульманом и не надоедала Татьяне с новыми идеями на предмет быстрого обогащения. Даже в обед она ни разу не помянула ни кактусы, ни стретчинг, ни даже японских гейш, которые явились причиной ее

неприятностей. Но уже вечером, по пути к дому Татьяны, Сима очнулась, блеснула глазами и воодушевленно проговорила:

– Тань! Из-за этого негодяя Рудельсона я чуть не забыла важную вещь! Помнишь, я рассказывала тебе про сына маминой приятельницы Вадика?

– Ну! – Татьяна посмотрела на подругу, в отличие от нее, без всякого воодушевления.

Сима с определенной периодичностью пыталась выдать ее замуж, подыскивая кандидатов на руку и сердце. Периоды особенной Симиной активности совпадали обычно по времени с ее ссорами с Марком. Вступив в такой период, она сметала на своем пути все преграды – и кандидаты в мужья сыпались на Татьяну, как из рога изобилия. В этом периоде Вадик был первой ласточкой.

– Так вот! Я назначила вам свидание у кафе «Лакомка», – безапелляционно заявила Сима.

– Когда? – ужаснулась Татьяна.

– Завтра, в шесть после работы. Как раз успеешь доехать.

– Почему именно у «Лакомки»?

– Ну... Вы же оба будете со службы. Поесть ведь надо! А там... то... се... разговор и завяжется, хотя бы... для начала... о тамошних слоеных пирожках. Очень уж вкусные там пекут!

– Симка! – сморщилась Татьяна. – Во-первых, я не хочу говорить о пирожках, а во-вторых, ты прекрасно знаешь, что я не хочу замуж! Мне и так хорошо!

– Не хочешь, потому что не была! – парировала Сима.

– Ты зато была! Я твоим замужеством сыта по горло!

– У меня, Таня, – нетипичный случай, а Вадик – человек сугубо положительный, скромный и по бабам не шляется!

– Сколько ему лет?

– Тридцать... с хвостиком... – Сима неопределенно помахала в воздухе рукой в кровавой перчатке.

– Колись, подруга, какой у него «хвостик», а то дальше не пойду! – и Татьяна шлепнула на тротуар свой бок Симиной сумки.

– Если честно, то ему... вроде бы... тридцать два... Хотя... может быть, и все тридцать девять... Что-то я забыла...

– Тридцать два?! – с возмущением повторила Татьяна. – А ты, случаем, не запамятовала, что мне все тридцать семь!

– Ты, Таня, выглядишь не больше чем на двадцать восемь. Вадик даже не заметит, что тебе тридцать семь, тем более если ему все-таки все тридцать девять.

– Нет, ты все-таки ненормальная! Сейчас придем ко мне домой, и ты отменишь это идиотское свидание! – чуть не плача воскликнула Таня.

– И не подумаю, потому что, честно говоря, его отменить уже нельзя.

– Как это?

– Так это! Вадик сейчас в командировке, в Москве. Приедет ночным поездом, отдохнет чуток, перышки почистит, сбегает на рабочее место передать какие-то ведомости, а потом – прямиком к «Лакомке».

– А я все равно не пойду на это свидание! Не желаю! Пусть твой Вадик постоит часок у кафе и уберется восвояси несолоно хлебавши!

– Таня! Это несерьезно! Мы же взрослые люди! Вадик после напряженной командировки, после поезда и после работы будет ждать, а ты вдруг не придешь! Это непорядочно! В конце концов, никто не заставляет тебя сразу бросаться ему на шею и тащить под венец. Посмотришь на него, прикинешь все «за» и «против», а потом – хоть и не встречайся больше! Кто тебя может заставить?

Таня возражать не стала и лишь с грустью вздохнула. Разговор, подобный этому, завелся уже неоднократно.

Утром Сима поднялась на полчаса раньше обыкновенного, растолкала Татьяну и принялась собирать ее на свидание. Она заставила подругу надеть новый синий костюм.

– Сима, мы же не зря пытались его продать! Пиджак маловат, ты же сама видишь! – пыталась сопротивляться Таня.

– Ничего! Его можно не застегивать, а когда он в незастегнутом виде, то очень даже прилично выглядит, – заявила Сима.

Она хотела предложить Татьяне свою голубую трикотажную кофточку, которую любила надевать под серый, с синим рисунком, сарафан. Кофточка была узенькой, эластичной и безразмерной, а потому очень выгодно смотрелась абсолютно на любой фигуре. Однако принести подруге подобную жертву Симона не смогла, поскольку на кофточке удобно разлеглась... иная Жертва. Симе почему-то некстати вспомнилось аристократическое происхождение кошки, и тревожить особу чуть ли не королевских кровей она не стала. Порывшись в Татьянинных закромах, Сима извлекла на свет старый бадлон, который не слишком явно демонстрировал свой преклонный возраст, зато являл миру небесную голубизну, очень подходящую по тону к новому синему костюму. Шею Татьяны Симона убрала, как новогоднюю елку, гирляндами из своих цепочек разных дизайнерских направлений и довершила сие убранство крупными висячими серьгами. Она с удовольствием поделилась бы и некоторым количеством своих браслетов, но у подруги были очень тонкие запястья, и ажурные кольца с них соскакивали.

– Сим, а что скажут на работе, когда я заявлюсь туда в твоих цепях? – жалобно спросила Татьяна, без удовольствия разглядывая себя в зеркале.

– Нас с тобой это не касается! – отрезала Симона. – Но я думаю, что все будут только завидовать твоей неземной красоте.

– Нет, Сима, ничего не получится, – обрадовалась своей сообразительности Татьяна и принялась вытаскивать из ушей серьги.

– Что ты делаешь! – рассердилась подруга.

– Все дело в том, милая моя, что мне абсолютно не с чем этот костюм и эти серьги надеть!

– То есть?

– Ну... ты же знаешь, что у меня нет ни пальто, ни плаща, только куртки спортивного фасона. Ты представь, как нелепо будет выглядеть эта ярко-синяя юбка с черной курткой на «молниях» и липучках? А сережечки твои – ну просто изумительное дополнение к моей шапке грубой вязки! Вместе с кроссовками – вообще полный улет!

– Зачем же ты тогда покупала этот костюм, не понимаю! – страшно огорчилась Сима и в изнеможении упала на кресло.

– Во-первых, я рассчитывала носить его летом, во-вторых, плащ с пальто у меня были... в перспективе, а твой Вадик вынырнул непредсказуемо, вне расписания и, как видишь, совершенно не вовремя.

Сима Рудельсон не умела долго находиться в растерянном состоянии. Она на секунду задумалась, а затем нырнула в свою бездонную сумку и вытащила оттуда газовый сизый шарфик.

– Если ты рассчитывала меня напугать своей шапкой с липучками, то тебе это не удалось, – сказала она, с быстротой фокусника продела в ушки для ремня на джинсах свой газовый шарфик и скомандовала: – Быстро снимай юбку и надевай джинсы. Ты будешь одета в... эклектическом стиле!

– Это как? – удивилась Татьяна, с опаской поглядывая на Симу.

– Это так: романтический верх, спортивный низ, и шарфик на поясе в качестве переходного звена!

– А разве кроссовки сочетаются с переходным звеном?

– Ты наденешь свои черные туфли.

– Так они же у меня, считай, с прошлого века завалились...

– Ничего! Ты будешь делать вид, что у тебя такой стиль.

Татьяна шла от метро к «Лакомке», одетая в эклектическом стиле лишь частично. Она наотрез отказалась от сизого шарфика, двух цепей, висячих серег и вековых черных туфель. С романтическим верхом в виде собственного синего пиджака, голубой кофточки, с которой в конце концов заботливыми руками Симы Жертва была перенесена на старый голубой бадлон, и прозрачных бусиков строго по шее ей все-таки пришлось согласиться. Надо сказать, что прохожие даже не подозревали, сколь сложен Татьянин прикид, поскольку он был надежно скрыт под скромной черной курткой на «молниях» и липучках.

Вадика она увидела сразу – и это было самое худшее из того, что ей приходилось видеть ранее. В обыденной жизни Татьяна старалась не думать о мужчинах, но уж когда приходилось, то идеалом ей казались крутые мачо с рекламных щитов дорогих сигарет: в потертых джинсах на слегка кривоватых ногах и в распахнутых куртках без шарфов, чтобы хорошо была видна загорелая шея в треугольном вырезе футболки или джемпера. Мужчины ее мечты никогда не носили головных уборов, зонтов и сумок. Они редко брились и стриглись, но от них всегда хорошо пахло дорогим парфюмом и чуть-чуть теми сигаретами, которые они рекламировали. На Вадике была надета черная вязаная шапочка с лейблом на самом лбу, как у прыщавого тинейджера. Куртка же представляла полную противоположность шапке. Татьяна тут же подобрала ей название – «Приют пенсионера». Она была светло-коричневая, с поясом и фланелевой подстежкой в черно-зеленую клетку, покрытой катышками от долгой носки. Подстежка выстилала собой капюшон, и он бесформенным горбом лежал у Вадика на спине. Если бы Татьяна надела свои черные туфли, то на фоне этой куртки они выглядели бы еще очень молодо и задорно. Вместо джинсов на нем были неопределенного цвета брючата, которые он, очевидно, чем-то увлекшись, поддержнул чересчур высоко. От этого они стали выглядеть несколько коротковатыми, а носки под ними – слишком длинными и вызывающе пестрыми. Ноги Вадика выше мальчиковых ботинок живо напомнили Татьяне тощие шейки бабушкиных курочек-пеструшек. Она их выращивала в тяжелых условиях рабочего пригорода Петербурга, и потому курята были слабенькими и дохленькими.

Как уже было отмечено выше, Татьяна не любила мужские сумки, особенно барсетки, но, честное слово, лучше бы у Вадика была барсетка. Это хоть как-то можно было бы пережить. Пережить голубой бесформенный болоньевый мешок с беленькими снежинками было выше ее сил... Татьяна уже хотела повернуть назад к метро, но Вадик вдруг ее заметил. Видимо, Симона слишком постаралась, когда ее описывала.

– Вы Татьяна? – крикнул он метров с трех.

Таня с трудом поборолла искушение обернуться, будто бы посмотреть, кого это он там зовет, какую еще Татьяну, и обреченно кивнула.

– Знаете, а я вас именно такой и представлял! – радостно объявил жених, когда они наконец встали друг против друга.

Вблизи Вадик показался ей несколько приятнее, чем издали. У него было ничем не замечательное, но и не противное лицо, неплохие карие глаза и даже вполне волевой подбородок, как у мачо без шапок, шарфов и болоньевых мешков. К чести Вадика надо отметить, что шарфа у него тоже не было. Из-под куртки торчал ворот рубашки обыкновенного серого цвета. Татьяна решила считать, что верхняя одежда у него подобрана в эклектическом стиле, и радоваться тому, что рубашка серая, а не розовая в цветочек.

Показать себя Вадик у во всем великолепии нового пиджака и Симиной кофточки Татьяна так и не смогла, потому что дальше «Лакомки» он ее не повел, а в этом кафе можно было сидеть не раздеваясь. За трапезой, состоящей из чашки кофе и двух слоеных пирожков, Вадик столько раз сказал «мы с мамой», «моя мама считает» и «как говорит моя мама», что Татьяна поняла: в его сердце вряд ли найдется место еще для одной женщины, кроме мамы, и очень этому обрадовалась.

Вадик неожиданно оказался очень разговорчивым, что первоначально трудно было предположить по клетчатому горбу на спине, куриным ногам, не говоря уже о болоньевом мешке. (Оказалось, что в нем лежал зонт и несколько газет «Санкт-Петербургские ведомости».) Вадик трещал о всяких пустяках, мнение Татьяны о которых его абсолютно не интересовало.

Дождавшись, когда он наконец пригубит свой кофе, она спросила:

– А скажите, Вадим, где вы работаете? Сима говорила, что вы только что из командировки.

– А-а-а... – махнул он рукой. – Ненавижу привычку русских везде говорить о работе! – И начал рассказывать об урагане в Пакистане.

– Ну, мне пора, – сказала Татьяна, когда разговор плавно перешел на торнадо и суховеи.

– Ну что вы, Танечка! Еще всего лишь половина седьмого! – огорчился Вадик, но она, не слушая его возражений, уже натягивала свою шапочку грубой вязки. Один из пирожков, которые Татьяна только что съела, был с зеленым луком, и она, опять-таки с трудом, поборола в себе желание своими луковыми губами смачно поцеловать на прощанье его говорливые.

– Я буду вам звонить! – крикнул ей вслед Вадик. – Сима оставила маме ваш номер!

Но Татьяна не сомневалась, что звонить он не будет. Скорее всего, его мама погорячилась, когда обговаривала с Симой это свидание. Вряд ли она выпустит сына из своих цепких когтей и фланелевой подстежки. Так что пусть он бежит на своих куриных ногах вокруг мамочки!

– Ну как?! – Сима вылетела встречать Татьяну прямо из ванной в абсолютно голом виде, если не считать ядовито-розовую купальную шапочку на волосах.

– Мне кажется, Симонка, ты решила отыгаться на мне за свое не слишком удачное замужество, – вяло сказала ей Татьяна, не менее вяло расстегивая «молнию» на своей куртке.

– То есть как это? – Голая Симона сложила на своей пышной груди не менее пышные руки. Татьяна при этом подумала, что подруга послужила бы отличной моделью для Рубенса, Веласкеса или Кустодиева.

– Так это... Ты этого... С позволения сказать... Вадика... видела?

– Нет... Но я много лет знакома с его мамой... Очень достойная женщина. А что, Таньк! Неужели он к тебе сразу начал приставать? – ужаснулась Сима, всплеснув руками и обдав Татьяну веером еще теплых брызг.

– Я думаю, что он вообще не знает, как это делается, – усмехнулась Таня.

– Да ну... скажешь тоже... кто же этого не знает...

Татьяна скинула кроссовки и велела Симе срочно идти домываться, поскольку с нее на пол коридора натекла уже приличная лужа. Вряд ли эта причина показалась бы Симе уважительной, если бы к этой луже уже не пристроилась Жертва, быстро-быстро работая розовым язычком.

– Нет, ты посмотри на эту тварь! Экая скорость поглощения! – рассердилась Симона. – Чуть что – так она вся в меланхолии, а как где неучтенная лужа, так не кошка, а прямо водозаборный насос!

Сима оторвала Жертву от лужи, очень невежливо забросила в комнату, наплевав на тисненную золотом родословную, и, вытащив из-под ванны тряпку, быстро вытерла с пола воду.

– Сейчас я, пожалуй, действительно домоюсь, – заявила она, – и ты расскажешь мне все в подробностях.

– Ну и что, что куриные ноги! – вскричала Сима по окончании Татьянинного рассказа и грузно опустилась рядом с ней на диван. – Если отпустить Вадику брюки, то ноги будут совершенно незаметны постороннему глазу!

– Ты не учишь, что я их уже видела, – усмехнулась Татьяна.

– Да если хочешь знать, то при неоправданно коротких брюках у тебя тоже будут точно такие же куриные ноги!

– Обижает, подруга!

– Ничего подобного! Мы можем даже провести следственный эксперимент: ты заде- решь вверх джинсы и посмотришь в зеркало на свои ноги!

– Еще чего!

– Ага! Понимаешь, что говоришь ерунду!

– Симка! Ну ясно же, что дело вовсе не в коротких брюках! Не понравился он мне, понимаешь! Не понравился!

– Знаешь, милая моя, на тебя не угодишь!

Татьяна решила не возражать, чтобы Сима особенно не распалялась, но ее уже было не остановить:

– Тебе, конечно, хочется красавчика, как в кино, да? А ты посмотри на Рудельсона!!! Между прочим, многие женщины от него балдеют! И что? Принесло мне это хоть какую-нибудь практическую пользу, не говоря уже о счастье?! Принесло?!!

– Сима! – Татьяна почувствовала, что сбилась на крик, подобно подруге, а потому решила взять себя в руки и постаралась сказать самым тихим голосом: – Сима... Мне не понравилось говорить с ним о его маме и урагане в Пакистане.

– Ага! – Сима опять картинно всплеснула руками, но, поскольку была уже вытерта насухо, Жертве не досталось даже самой маленькой лужицы воды. – Тебе хотелось бы, чтобы он говорил с тобой о бабах и о своих победах над ними, да?!! Рудельсон, когда выпьет, обо- жает говорить, сколько баб из-за него потеряли головы.

– Симка! Еще совершенно неизвестно, что этот Вадик несет, когда выпьет! В «Лакомке» спиртного не подают!

– Ну и какой же из этого вывод?

– Какой? – почему-то испугалась Татьяна, глядя в разгоревшиеся глаза подруги.

– Такой! Надо пригласить его домой на... прием!

– Что еще за прием?

– Ну... мы с тобой устроим здесь... – она обвела рукой Татьянину квартиру, – ...прием. И чтобы все в вечерних туалетах...

– Совсем с ума сошла! У меня нет никакого вечернего туалета, кроме все того же синего костюма, от которого меня, честно говоря, уже тошнит.

– Для такого случая не грех и раскошелиться!

– Да не желаю я для этого... с клетчатым горбом на спине – раскошелиться! – Татьяна изобразила на лице самое презрительное выражение из тех, которые имелись у нее в запасе.

– То, на что ты, Танька, раскошешься, может тебе пригодиться и в других ситуа- циях! – воскликнула Сима.

– Например?

– Например, через неделю на дне рождения у Ирины Гришмановской, которая пригласила к себе почти все наше КБ! Забыла, что ли? А синий пиджак тебе все равно маловат! Сама все время стонешь!

– К Гришмановской я могу пойти и в джинсах со свитером!

– Ну и зря! Там будет, между прочим, и... – Сима очень значительно посмотрела на подругу. – Олег Дунаев!

– И что? – очень незначительно прореагировала Татьяна.

– И то! Сама знаешь! Он все время на тебя поглядывает!

– Так он же женат!

– Ну и что! Рудельсон, между прочим, тоже женат, но это не мешает ему... в общем, сама знаешь!

– Сима! Ты уже достала меня своим Рудельсоном! Если уж ушла от него, то не вспоминай его хотя бы пару часов подряд!

– Да?!! Я бы посмотрела на тебя, как бы ты не вспоминала человека, если бы прожила с ним большую часть своей сознательной жизни! Жертва!!! Дрянь!!! – без всякого перехода заорала Симона. – Что ты делаешь?!!

Татьяна поискала глазами кошку. Жертва сидела на столе и методично обкусывала лепестки у белых игольчатых астр. Татьяна их очень любила и осенью всегда ставила в комнате букеты из них.

– У тебя же будет расстройство желудка! – Сима схватила кошку за шкурку, стащила со стола и прижала к себе. Та моментально пристроилась между хозяйкиных грудей и в блаженстве закрыла глаза, даже забыв выпустить изо рта белые иголки астр. Они так и торчали из ее пасти в качестве дополнения к прозрачным усам.

– Но ты права! – заключила Сима, поглаживая свою любимицу. – Про Рудельсона больше незачем и вспоминать, поскольку я сама собираюсь ему здорово изменить!

– Да ну?!! – От изумления Татьяна даже не огорчилась за свои зверски ободранные астры.

– А что ты так удивляешься? – Сима отбросила Жертву на кресло, где та тут же приняла расслабленную и одновременно оскорбленную позу, с риском для жизни свесившись головой вниз. – По-твоему, я не имею права ему изменить?!!

– Нет... почему же... это твое дело... – замямила Татьяна.

– Но все-таки ты меня осуждаешь, да?!! – библейские глаза Симоны наполнились блестящей влагой.

Татьяна придвинулась поближе к подруге, взяла ее под руку, заглянула в расстроенное лицо и ласково ответила:

– Ну что ты говоришь, Симонка! Разве я могу тебя осуждать, если, как никто, знаю, какой Марк бабник.

– Да?!! Он что, и к тебе приставал?!! – Сима выкрикнула это так неожиданно громко, что Жертва скатилась с кресла на пол со звуком шлепка упавшего с кухонного стола куска сырого мяса.

– Нет-нет!!! Что ты! Никогда не приставал! – затараторила Татьяна, и это было ошибкой, потому что выдало ее с головой. Конечно, Марк Рудельсон несколько раз пытался подвалить и к ней, правда, безрезультатно. Он был красивым мужчиной, и Татьяна, безусловно, сдалась бы без боя, если бы не многолетняя дружба с Симоной. Самый первый случай соблазнения Татьяна не забудет до конца жизни, ибо Марк провел его шикарно и с большим размахом.

Рудельсон завалился к ней, когда Сима на три дня уехала в командировку в Москву. Завалился, как бы от тоски по жене и по хорошему ужину. Он принес с собой бутылку «Мерло» и коробку конфет «Белочка» знаменитой на всю страну фабрики имени Круп-

ской. Татьяна «Белочку» любила, а к «Мерло» была абсолютно равнодушна, как, впрочем, к любому алкоголю вообще. Заваливаться к ней в поисках ужина было глупо, потому что она питалась полуфабрикатами, и Марк это знал. Она так ему и сказала, что он обратился не по адресу, поскольку ужинать собирается всего лишь салатом «Оливье» из разовой полиэтиленовой упаковки и вчерашними макаронами. При слове «макароны» Рудельсон скривился, как всякий настоящий мужчина, и патетически воскликнул:

– Ну почему женщины так любят макароны?

Татьяна решила ему не отвечать, потому что восклицание было явно риторическим. Так оно и оказалось. Марку ответ не потребовался, потому что потребовался большой пакет. Он сказал, что лично сходит в магазин, купит нужные продукты и сам их приготовит. На это Татьяна заметила ему, что готовить свои продукты он мог бы в их с Симоной кухне, а потом съесть приготовленное совершенно самостоятельно, поскольку ей вполне достаточно «Оливье» и макарон. Рудельсон ответил на это, что ему жутко скучно есть одному, отправился в магазин и отсутствовал довольно долго. Татьяна уже совсем было обрадовалась, что он раздумал готовить ужин у нее в квартире, когда Марк вдруг вернулся с полным пакетом, который она ему выдала, и еще с другим, который, видимо, купил в магазине.

Насвистывая и напевая, Марк суетился на кухне, а Татьяна с напряженной спиной сидела у телевизора и никак не могла сосредоточиться на своем любимом сериале. Вот было бы здорово, если бы у плиты для нее старался не Рудельсон, а настоящий ее любимый муж! А если бы он к выдающимся кулинарным способностям имел еще и внешность красавца Марка, то это был бы верх Татьянинных мечтаний...

Когда из кухни поплыли аппетитные запахи, она вообще чуть не расплакалась. У Тани очень давно не было мужчины, а с любовью приготовленную еду она вообще не ела бог знает сколько времени. Питалась кое-как, потому что, во-первых, для одной себя готовить не хотелось, а во-вторых, под сериал или детектив легко может проскочить любая упакованная в пленку хренотень. Если закусить ее любимой булочкой с маком, то и после хренотени остается вполне приличное послевкусие. Так она обычно поступала. Но...

У Татьяны затрепетало сердце, когда в комнату пришел из кухни Марк, раздумявшийся, с разлохматившимися длинными смоляными волосами и весь пропахший жареным мясом.

– Прошу, сударыня, к столу! – церемонно согнувшись, пригласил Рудельсон.

Татьяна почувствовала, что мгновенно раздумянулась, как Марк от плиты, и поплелась вслед за ним, заранее извиняясь в душе перед Симоной за то, что вынуждена будет есть мясо, которое Марк должен бы готовить только одной ей.

В кухне Татьяне стало совсем плохо. Рудельсон постарался на славу и организовал романтический ужин для двоих. Рядовой кухонный стол представлял собой настоящее произведение искусства. Марк застлал его двумя красными льняными салфетками, которые, видимо, тоже купил, потому что у Татьяны таких не было. Верхний свет был выключен, а у каждого прибора горели невероятной красоты свечи: янтарно-желтые, с красными блестящими шарами внутри и с красными же изящными бантиками по ободку. Такие же свечи, только красные и с желтыми шарами, Рудельсон поставил на самый верх буфета. Ореолы света от свечей пересекались, входили друг в друга, смешивались и превращали стандартную кухню блочного дома в отдельный кабинет роскошного ресторана. Кроме свечей, на столе стояла незнакомая Татьяне ваза с одной темно-красной розой на длинном стройном стебле и с двумя, будто вырезанными из пластика, воцеленными листьями. Приглядевшись, она поняла, что это никакая не ваза, а темная винная бутылка, которую Марк отыскал в ее шкафчике и украсил горлышко затейливо сложенной бумажной салфеткой в красную и белую клетку.

После созерцания дизайнерских изысков Рудельсона Татьяне совсем поплохело. Во-первых, она, которая еще ничего предосудительного не сделала, уже чувствовала себя предательницей по отношению к подруге. Хотя... может, и сделала плохое... Надо было сразу выставить Марка за дверь, когда он только заговорил об ужине, а не услужливо выдавать ему пакет. В крайнем случае, можно было настоять на салате «Оливье». В одноразовой упаковке его мало. Рудельсон быстренько бы его съел и убрался восвояси...

Во-вторых, что было гораздо хуже, сердце Татьяны продолжало учащенно биться. Никогда и никто для нее так не старался. Никто никогда не готовил ей ужин, не обставлял дом свечами и не покупал розу на длинном стебле. Если честно, то ни один мужчина вообще никогда не дарил ей цветов, если не считать шефа, который всегда лично в женский день выдавал дамам по одной кустовой гвоздичке из общего пучка и вручал незамысловатые букеты в блестящей фольге в дни рождения.

Красивую посуду выставить на стол Марк не мог, потому что у Татьяны ее не было, и ему пришлось при сервировке стола проявить недюжинную изобретательность. Салат из помидоров, зелени и прозрачных, очень тонко нарезанных колечек лука он порционно распределил в две старые чайные чашки. Несмотря на нервное состояние, Татьяна решила это взять на заметку и использовать Маркову находку, когда они с Симой будут праздновать ее день рождения. Потом она ужаснулась собственным мыслям. А что, если Марк всегда так делает дома, и по салату в чашках Симона сразу поймет, кто был Татьяниным учителем?.. Все эти мысли мгновенно пронесли в ее голове, потому что через минуту она уже восхищалась тем, что горка жареной картошки и аппетитный кусок золотистого мяса лежали не в тарелках, а в двух продолговатых селедочницах, оставшихся ей от тетки. Она никогда их не вытаскивала из шкафа, потому что ненавидела чистить селедку и никогда ее не готовила даже своим немногочисленным гостям.

Вместо фужеров Рудельсон ничего не смог приспособить, потому что других емкостей, подходящих для алкогольных напитков, у Татьяны не было. Но в интимном свете свечей даже простенькое стекло сверкало богемским хрусталем.

Марк, довольный замешательством и восхищением Татьяны, церемонно отодвинул от стола табуретку и усадил на нее подругу жены с таким лицом, будто возвел особу королевских кровей на трон из чистого золота.

Мясо было очень мягким, сочным и вкусным. Татьяна думала, что в сложившихся двусмысленных обстоятельствах не сможет проглотить ни кусочка, но съела все до последнего ломтика румяного картофеля, до последнего колечка лука в простецкой чайной чашке. От первого же фужера вина у нее закружилась голова. От второго, который они подняли с тостом за многолетнюю дружбу домами, перед глазами Татьяны поплыло изображение. Она с силой тряхнула головой, чтобы пламя свечей и глаза Марка, сверкающие не хуже их, снова угнездились на положенных местах.

– Ну как? – спросил Марк.

– Обалденно! – честно призналась Татьяна и пьяно подхихикнула. – Только твое «Мерло» подают не к мясу, а к рыбе. Кажется, к тушеной...

В вине она совсем не разбиралась, но как раз накануне читала детектив, где героиня говорит герою именно эту фразу о тушеной рыбе. Марк удивленно поднял бровь и сказал:

– Танюша! Ты открылась мне с новой стороны! Никак не ожидал от тебя таких познаний. Прости, что не приготовил рыбу. Я ее вообще не люблю. А «Мерло» обожаю!

Татьяна еще раз хихикнула и хотела сказать, что Симе здорово повезло, потому что Марк умеет так отменно готовить, но сумела вовремя спохватиться, несмотря на кружившие голову винные пары. Имя Симы сейчас прозвучало бы не очень уместно.

Вспомнив подругу, Татьяна даже несколько пришла в себя. Какой кошмар! Что же это они с Марком делают? Это вино! Эти свечи! Зачем все?! И картошку можно было просто

отварить. К чему нужно было нарезать ее такими сексуальными ломтиками? И мясо... Она уже давно ела только колбасу, сосиски и пельмени. И ничего. Жила. А роза? Что означает эта роза? И красные салфетки... Как кровь... Как любовь...

Татьяна посмотрела на Марка, который уже составил в раковину грязные тарелки и по-хозяйски доставал из шкафчика чайные чашки. Он был великолепен: высокий, гибкий, как юноша, с угольно-черной гривой волос, украшенной тонкими седыми прядками. Удлиненные карие глаза Рудельсона с девичьими густыми ресницами то и дело останавливались на Татьяне. Взгляд их был жарок и пронзителен. Марк будто проверял, дошла ли Татьяна до нужной кондиции. Она понимала, что дошла. Она как раз находилась в той самой кондиции, когда отдался ему прямо здесь, среди свечей и возле кровавой розы, ничего не стоит и даже очень не терпится. Но она выдержит и не отдастся, потому что его жена – лучшая ее подруга, и предать ее даже ради этой розы невозможно. Опять вспомнив Симу, Татьяна взбодрилась. Нет! Ее не проймешь свечами и взглядами! Она знает, какой Рудельсон бабник! Это те, другие женщины, которых он соблазняет, не знают, думают, что только для них все эти прибабасы в виде вина, конфет и оригами из клетчатых бумажных салфеток. А Татьяна-то знает! Сколько раз Сима уже отсиживалась у нее во время Марковых загулов! Неужели на всех своих баб он так тратится: телячья вырезка, фигурные свечи и даже стильные льняные салфетки! Бедная Сима!

– А этот бокал мы поднимем за тебя, Танюша! – проникновенно сказал Марк, сопровождая свои слова огненным взглядом.

– По-моему, я того не стою, – ответила Татьяна, продолжая испытывать острое чувство вины перед командированной в столицу подругой.

– Ну что ты! – ласково проворковал он и накрыл своей горячей рукой ее ладонь, теребившую красную ткань салфетки. – Таких, как ты, неброских, но нежных и трепетных, почти не осталось. Возможно, что ты вообще последняя. Тебя надо занести в Красную книгу, как вымирающий вид. За тебя!

Татьяна высвободила свои пальцы из его ладони и залпом допила вино. Только не смотреть Марку в глаза! Ему нельзя смотреть в глаза, как гоголевскому Вию. Иначе все... Иначе конец...

«Мерло» закончилось. Марк пошебаршил в своем пакете и выставил на стол бутылку армянского коньяка.

– Я больше не буду пить! – вскрикнула Татьяна и вскочила из-за стола.

– Разве кто-нибудь тебя заставляет? – Рудельсон сказал это таким тоном, каким говорят матери, пытаясь обманом всунуть своему малолетнему чаду лишнюю ложечку манной каши.

Марк тоже вскочил, будто бы от возмущения тем, что Татьяна подозревает его в нехороших намерениях и низменных инстинктах. Он бросился к ней как бы для утешения, а сам приступил к немедленному воплощению «нехороших намерений» в жизнь. Он впился в ее приоткрытый для слов возмущений рот своими вкусными губами в вине «Мерло» и конфетах «Белочка». Татьяна задохнулась – но не от возмущения, а от сумасшедшего желания, которое охватило все ее тело. Она не ответила ему, но замерла, чтобы хоть на минуту продлить этот миг. Этого оказалось достаточно для того, чтобы Рудельсон молниеносным движением расстегнул рубашку на себе и блузку на Татьяне. Его быстрые ловкие пальцы побежали по ее телу и уже собрались расстегнуть на спине бюстгальтер, когда она наконец опомнилась. Татьяна с силой оттолкнула от себя чужого мужа, запахнула блузку и абсолютно трезвым голосом сказала:

– Уходи, Марк...

– Но почему? – Он опять рванулся к ней. Из-под расстегнутой рубашки было хорошо видно сильное и красивое тело.

Татьяна зажмурилась. На сегодняшнюю ночь это тело могло бы принадлежать ей, если бы... Если бы не Сима... Впрочем, дело не только в Симе. Она, Татьяна, никогда не позарится на чужого мужа! Никогда!

– Симона – моя лучшая подруга, – ответила она Марку.

– Но... Она не узнает... – очень тихо и где-то даже заискивающе произнес Рудельсон.

– А что потом?

– Что «потом»? – с наивным удивлением спросил Марк.

– Как я должна глядеть в глаза своей подруге?

– Обыкновенно. Как все.

– То, что ты мне... навязываешь... – Татьяна специально выбрала это слово, – является предательством по отношению к ней.

– Все это не больше чем громкие слова, – усмехнулся Марк. – Это не предательство. Это, если хочешь знать, инстинкт.

– Низменный!

– Ну почему же! Сейчас его называют основным!

– Я вполне могу с ним справиться! – запальчиво объявила Татьяна.

– А надо ли? Если пользоваться твоей терминологией, ты и так уже предала Симону, так не лучше ли продолжить, поскольку все равно уж...

– Как это предала?! – возмутилась Татьяна. – Что ты говоришь, Марк?

– Я же мужик! Я же чувствую, когда женщина хочет, и не лезу к той, которая ни сном ни духом...

– Побойся бога, Марк! – Татьяна уже чуть не плакала. – Ты же меня специально соблазнил! Разве я просила об этом? – И она обвела руками винно-свечное великолепие.

– Но и не отказывалась!

– Я же не знала...

– Все ты знала! Ты же не дура, Танюша! Ты же сразу поняла, зачем я пришел.

Татьяна опустила голову. Он прав. Только «поняла» – это неверное слово. Она не столько поняла, сколько почувствовала, что Рудельсон пришел неспроста.

– Даже если так, я не сдамся тебе, Марк, – твердо сказала Татьяна, – даже несмотря на то, что почти готова была это сделать.

– Я же говорил, что тебя надо занести в Красную книгу, – улыбнулся Рудельсон, застегивая рубашку.

– Неужели до сих пор никто тебе не отказывал?

– Представь себе, никто. Ты первая, что, признаться, мне не очень нравится. Может, это первый звоночек, а? Выхожу в тираж?

– Ты даже не допускаешь, что можешь кому-то не понравиться? – искренне удивилась Таня.

– Не понравиться я могу только той, которая на дух не выносит евреев. Но даже националистические предрассудки меня обычно не останавливают. Становится делом чести довести такую антисемитку до постели.

– Неужели тебе ни разу не попадались порядочные женщины, которые могут противостоять твоей... неотразимости, свечам и розам?

– Танюша! Святая ты простота! Обычно дело обходится без свечей и телятины! Хватает какой-нибудь пошлой коробочки конфет «Василек», а то и так... без «Василька» все получается... Это ради тебя я расстарался! Знал же, что ты с принципами и взглядами...

– Марк! А что же Сима?

– А что Сима?

– Ты... Ты ее... не любишь?

– Кто тебе сказал, что не люблю? Люблю. Но одно другому не мешает!

– А если бы Сима...

– Что – Сима?

– Ну... Как ты... Тоже ударились бы в разгул, раз уж ты проповедуешь такие свободные нравы?

– Сима не ударится. Она тоже... – Рудельсон покрутил рукой у виска. – Обременена принципами и отягощена предрассудками.

– А если она откажется от предрассудков, то ты, значит, не против?

– Конечно, не против, – улыбнулся Марк. – Все мы свободные люди. А основной инстинкт, он на то и основной, что... В общем, ты все понимаешь, Танюша, не правда ли?

Татьяна, уже совершенно успокоившаяся и застегнутая на все пуговицы, села на табуретку, закинув ногу на ногу, и спросила:

– Салфеточки с собой завернуть?

– Обижаешь! – расхохотался Марк. – Это тебе на память! Предлагаю надеть на древки и выставить сии красные штандарты в окнах в знак того, что цитадель не сдалась захватчикам!

– А коньяк?

– С Симой потом запьете свои разговоры!

Он надел черное модное пальто и, потоптавшись у дверей, все же попросил:

– Симе не рассказывай, ладно? Она устроит дикий скандал, а мне ведь ничего не обломилось. Чего зря страдать!

Татьяна кивнула.

После ухода Марка она задула долгоиграющие свечи, завернула их вместе с царственной розой, пустой бутылкой «Мерло» и полной – коньяка в красные льняные салфетки и вынесла все это великолепие в мусоропровод. Никаких штандартов! Цитадель практически сдалась. Ничего не должно напоминать Татьяне об этом позоре!

Ночью ей снились свечи и Марк с горящими глазами и развевающимися волосами. Во сне Татьяна ему сдалась, и он вывесил за окно красную льняную салфетку, как красный фонарь. Знак другим мужчинам, что в мире не бывает порядочных женщин и настоящих подруг.

Проснувшись она растерянной и униженной. Сима! Ты должна простить! Это был всего лишь сон!

... – Значит, пристаивал, – заключила Сима, и из ее знойного глаза на розовую щеку выползла хрустальная слеза.

– Ничего не пристаивал! Не говори глупостей! – опять завелась было Татьяна, а потом решила резко уйти в сторону от Рудельсона: – Слушай, Симонка, а у тебя уже что, есть кто-нибудь на примете... ну... для измены Марку?

– Представь себе, есть! – Сима гордо вскинула голову, и хрустальная слеза мгновенно высохла. – Мы вместе учились в институте... Вот!

– Он что, не женат?

– Развелся недавно... Но мне он симпатизирует уже давно. Просто я... сдуру... вышла замуж за Марка, а он... Этот человек... Мне назло тут же женился на Мирке... Ну... Ты ее не знаешь... Вот... И теперь я вполне могу утереть Рудельсону нос!

– Сима, может, не стоит бросаться на первого встречного, чтобы утереть Марку нос?

– Какой же Фенстер первый встречный? Я же сказала, что мы знакомы с юности.

– Фенстер?

– Ну да! Это у него фамилия такая – Фенстер. А зовут Юлианом. По-моему, очень красивое сочетание.

– Фенстер... Немец, что ли?

– Почему немец?

– Das Fenster – по-моему, окно по-немецки.

– Окно? Не может быть! – удивилась Сима. – Хотя... Какая разница? Окно так окно. Вот у Рудельсона фамилия небось никак не переводится, а толку? А что касается Юлика, то я вообще-то не знаю его родословной. Может, и были у него в роду какие-нибудь немцы, но сейчас он представляется чистокровным евреем.

– Слушай, Симка, – рассмеялась Татьяна, – а тебе слабо глаз на русского положить?

– Придумаешь тоже! – Симона презрительно передернула плечами. – Да если хочешь знать, для еврейки выйти замуж за русского – это все равно что русской – за негра!

– Да ну?! – расхохоталась Татьяна. – Негры, чтоб ты знала, – они лишь снаружи черные, что их немедленно выделяет среди русских – только и всего! А так они ничуть не хуже других. А некоторые русские женщины, между прочим, даже утверждают, что после негров в постели абсолютно нечего делать с представителями любых других национальностей, включая и твоих евреев.

– А русских, между прочим, выделяет из представителей всех других национальностей потрясающая тупость! – очень раздраженно заявила Симона.

– Симка! А ты не боишься, что я обижусь и за твои националистические настроения вышвырну тебя вместе с Жертвой из своей квартиры прямо на панель?

– Я же ничего плохого не сказала о русских женщинах! – Сима недоуменно округлила глаза, взяла на колени Жертву, которая при звуках своего имени мгновенно вышла из состояния расслабленности и приготовилась занять об ужине. Хозяйка же так яростно наглаживала ее дымчато-голубую шерстку, что кошка поняла: ужина ей не видать как собственных ушей и сочла за лучшее снова расслабиться на ее коленях. – Русские женщины – они дадут прикурить кому хочешь! Самому умному еврею! Но на ваших, Таня, мужиков, если честно, без слез не взглянешь!

– Та-а-ак! Очень мило! – рассердилась вдруг Татьяна. – Зачем же ты меня все время пытаешься выдать замуж за русского дурака?

– Таня! Ну ты же за еврея не пойдешь?

– Почему это не пойду? Меня с детства воспитывали в отвращении к расизму и национализму! Вот возьму и пойду за еврея! И вообще! Ты, говоришь, ушла от Рудельсона?

– Ну... Ушла...

– Навсегда?

Сима подумала немного, почесала Жертве за ушком, вздохнула и очень горько сказала, как отрубил:

– Навсегда!

– Значит, он абсолютно свободен? Правильно я понимаю вопрос, Симона Иосифовна?

– Ну... В общих чертах... – Рука Симы напряженно застыла над кошачьим ухом.

– Так вот! – Татьяна вскочила с дивана и встала перед Симой в позу воинствующей амазонки. – Поскольку Марк Рудельсон нынче абсолютно свободен, я собираюсь связать с ним свою, пока еще тоже абсолютно свободную, жизнь!

Татьяна разыгрывала клоунаду с выходом, а в душе что-то предательски дрожало. Как ни силилась, она не могла вычеркнуть из своей жизни Марковы свечи, красные салфетки и розу на длинном стебле. Это были подлые, обманные свечи, роза – с ядовитым ароматом, но других у нее никогда не было и вряд ли когда еще будут. А представить себя женой Рудельсона – это ли не сладко!

– Танька! – Испуганная Сима тоже вскочила с дивана. Жертва с глухим шмяком рухнула на пол. – Что ты говоришь? Ты же моя подруга!

– Я и не отказываюсь от дружбы с тобой, но подобрать свободного Марка, думаю, имею полное право, тем более что у тебя теперь есть твое Окно!

– Окно?

– Ну этот... Фенстер! Друг институтской юности!

– Да?!! – Сима, отойдя от первого потрясения, уперла полные руки в крутые бока и, приблизив свое библейское лицо к русскому Татьянинному, в долгу не осталась: – А у тебя есть Вадик!

– Ты, Симонка, специально нашла мне самого дурацкого из всех русских мужиков! Не хочешь ли сама попробовать?

Татьяна думала, что взбешенная Сима вцепится ей в волосы, но подруга вдруг поникла и тяжело опустилась на диван. Жертва противно мявкнула, требуя таким образом, чтобы хозяйка опять взяла ее на колени, но Симоне явно было не до кошки. Жертва мявкнула еще раз, прикинула расстояние от пола до хозяйских колен, решила не напрягаться и опять растянулась у дивана в своей любимой позе прострации.

– Тань, возьми лучше Фенстера, – жалобно проговорила Сима. – Я с ума сойду, если увижу тебя с Марком...

– Симка! – Татьяна опять под села на диван к подруге и обняла за вздрагивающие плечи. Конечно, она никогда не покусится на Марка, если даже они с Симоной официально разведутся, потому что это все равно будет предательством. Да и сам Рудельсон, красивый, как киноартист, вряд ли когда еще снизойдет до нее, серой тоскливой мыши. Тогда он, видно, на временном безрыбье на нее кинулся. Или из спортивного интереса.

Татьяна поцеловала подругу в тугую щеку и очень убедительно сказала:

– Да не нужен мне твой Рудельсон! Вот честное слово! Это я так... Ну... Пошутила неудачно...

Классическое лицо Симоны сморщилось, покраснело, и она разрыдалась на Татьянинном плече самым душераздирающим образом. Даже Жертва, то ли проникшись хозяйским горем, то ли здорово удивившись, заставила себя запрыгнуть Симе на колени и в унисон с ней замурчала. Возможно, ей казалось, что подобным образом они вместе с хозяйкой выпрашивают себе у Татьяны во внеурочное время немножечко консервов «Тунец с овощами».

– Знаешь, Таня, я вытравлю из своей души этого Рудельсона, вот увидишь! – вдоволь наплакавшись, программно заявила Сима. – А для тебя, если ты серьезно намекала насчет евреев, мне Юлика Фенстера абсолютно не жаль. Мы с тобой все-таки устроим прием, куда пригласим и Юлика, и Вадика, и еще кого-нибудь найдем! Или мы с тобой не привлекательные женщины?

Татьяна с большим сомнением посмотрела на свое изображение в зеркале серванта, безнадежно покачала головой и озвучила пришедшее пару минут назад в голову определение:

– Я, Сима, обыкновенная серая мышь...

– Это потому, что ты очень блекло одеваешься! Я тебе всегда говорила, что эти твои джинсы до добра не доведут! Я, конечно, понимаю – тебе приятно, что у тебя стройные бедра, и ты стремишься подчеркнуть это джинсами. На самом же деле женщина должна подчеркивать в себе женское начало! – К Симе, сделавшей хороший эмоциональный выброс, опять вернулись энергия и деловитость. – Поэтому первым делом я предлагаю обновить твой гардероб в романтическом стиле!

– Сима! Опять?!! – возмутилась Татьяна. – На какие шиши я буду обновлять свой гардероб?

– Я же сказала «мы», а не «ты»! Вспомни, пожалуйста, что явилось причиной моего нынешнего ухода от Рудельсона (клянусь, что в последний раз поминаю его имя!). – В подтверждение своих слов Симона очень выразительно сверкнула огненными глазами.

– Что?

– Я так и знала, что ты ничего не помнишь! Я позволю себе опять вернуться к идее гейшинизма и предложить воплотить ее в жизнь на нашей русской и... где-то несколько еврейской почве!

– Что ты опять несешь, Симонка! – раздражилась Татьяна. – Я думала, что ты тогда пошутила.

– Ничего подобного! Я абсолютно серьезно предлагаю организовать некий клуб, куда мужчины могут приходить расслабляться после трудового дня.

– Публичный дом, что ли? – фыркнула Татьяна.

– Вот я так и знала, что ты это скажешь! – Сима посмотрела на подругу с легким презрением. – Узко мыслишь, милая! Я ведь не случайно опять произнесла слово «гейшинизм». Мы с тобой организуем школу русских гейш, которые будут развлекать мужчин пением, стихами, танцами и интеллектуальными играми.

– Шахматами, что ли?

– Можно и шахматами, шашками... Нарды тоже хорошо пойдут... Конечно, в дополнение ко всему остальному.

– Сим, а остальное – это что?

– Ты совершенно напрасно косишь под умственно отсталую. Я уже все тебе сказала. Остальное – это музыка, живопись и стихи.

– Нет, это я как раз усвоила. Не сомневайся. А дальше-то что?

– Ничего! Выпьют чаю или легкого вина и пойдут домой.

– Кто?

– Как «кто»? Мужчины, отдохнувшие, умиротворенные и со снятым стрессом.

– Сим! А русские гейши, они будут в кимоно или как? – Глаза Татьяны искрились таким весельем, что Симона наконец рассердилась:

– Или как! И нечего тут сверкать глазами! Все новое всегда вначале вызывает недоумение и смех! А потом все только удивляются, как без этого жили. Конечно же, наши гейши будут не в кимоно. Более того, мы даже слов таких употреблять не станем и Японию ни разу не вспомним. Будем делать вид, что эта школа – наше собственное изобретение! Сделаем какие-нибудь... этнографические костюмы...

– То есть мы, значит, нарядимся в парики с косой до пояса, в кокошники, в душегреи с меховой опушкой и выдадим охреневшим на службе мужикам танцы в стиле Царевны-лягушки. Потом споем «Во поле березонька стояла», потом поиграем в «Морской бой» и «Крестики-нолики» с шахматами, а потом эти мужики, несолоно хлебавши, пойдут домой?

– Ну почему несолоно... Легкая закуска, конечно, будет. Неужели обязательно обжираться селедкой под шубой и жареными окорочками?

– Симка! Неужели ты всерьез надеешься развлечь таким образом наших мужчин?

– А что? Цивилизованные японцы почему-то могут так культурно развлекаться, а нашим слабо?

– Еще как слабо! Никакой русский мужик не выдержит такого издевательства, особенно после работы. Думаю, и еврейский тоже.

– Тань! Ну почему?!

– Потому! Не дорос еще наш русско-еврейский мужик до идеи гейшинизма! Ему, чтобы снять стресс, стриптиз с отягощающими последствиями нужен, а не стихи.

– Ты вульгаризируешь проблему! – взвилась Симона. – Все новое всегда внедряется с трудом!

– Сима! Несмотря на твою торжественную клятву, тебе все-таки опять придется вспомнить Рудельсона.

– Зачем?

– Затем, чтобы представить его балдеющим от стихов, декламируемых русскими гейшами в кокошниках!

– Вот его – не могу представить! – согласилась Симона. – Но гейши, они и в Японии не для всех, а для избранных! А потому предлагаю тебе опробовать мою идею... Пока в упрощенной форме – на Фенстере с Вадиком.

– Это как?

– Я же уже предлагала тебе устроить прием в вечерних туалетах, на котором мы сможем опробовать на Юлике с Вадиком небольшую культурную программу и выяснить, получит ли идея русского гейшинизма поддержку в мужских массах.

– Ты что, предлагаешь мне для этого убогого Вадика и твоего Фенстера плясать и петь?

– А что тут такого? Возможно, они тоже присоединятся. На всех вечеринках люди танцуют и... часто поют... «Вот кто-то с горочки спустился» и другие тоже... народные песни...

– Конечно, ничего тут такого нет! Только я последний раз пела соло на новогоднем утреннике в третьем классе! Что-то такое убойно-сексуальное про снеговика и снежинок, которые вились вокруг него в хороводе!

– Издеваешься, да?!! – наконец сообразила Сима. – Совесть-то у тебя есть? Я, можно сказать, не сплю ночами, обдумываю варианты, как нам с тобой поправить тяжелое материальное положение, а ты только иронизируешь! Да если хочешь знать, кроме исправления нашего материального положения, я преследую и другие цели!

– Это какие же? – насторожилась Татьяна.

– Такие! Среди клиентов могут оказаться и очень приличные... одинокие мужчины, которые могут стать в дальнейшем твоими... И даже... моими спутниками жизни, раз уж я ушла от Рудельсона...

– А как же Фенстер? – ахнула Таня.

– Да что Фенстер! Может, и получше Юлиана найдутся... И Вадика твоего получше... Но я, Татьяна, ни на чем не настаиваю! Не нравятся гейши – не надо гейш!!! Придумай взамен них что-нибудь путное и жизнеспособное! Я возражать и кочевряжиться, как ты, ни за что не стану! Ну!!! – Сима злобно сверкнула очами. – Можешь ты придумать что-нибудь стоящее?

Татьяна печально покачала головой:

– Нет, Сима, я ничего стоящего придумать не смогу. Я думаю, мы с тобой состаримся, посеем и умрем в нашем конструкторском бюро за кульманами.

– Ну нет! Я этого не допущу! И тебя вытащу, если ты, конечно, не будешь слишком упираться!

– Сим! А чего бы нам не остаться работать в нашем бюро? Дело свое мы знаем... Деньги, конечно, небольшие, но... живем же как-то, не умираем!

– Таня! Я больше не могу работать в этом убогом заведении, в этом осыпающемся здании, где курить приходится на виду у Владимира Ильича!

– А в крутых фирмах, Сима, где платят хорошие деньги, курить вообще не разрешают, чтобы не прерывался рабочий процесс.

– А я согласна не прерывать рабочий процесс, если у меня будет офисный стол с компьютером взамен пещерного кульмана, а вокруг – ремонт-евростандарт вместо перфорированного изоляционного материала цвета испуганной мыши! – воскликнула Сима. – Гоголя на все это безобразие нет! А когда все-таки придется прервать процесс рабочий на процесс физиологический, то желаю, чтобы туалет был чистым и красивым, с белым унитазом и никелированными ручками на дверях. Наш сортир, в котором все сливные устройства проржавели еще в прошлом веке и не работают, вызывает во мне, извини за натурализм, рвотные спазмы.

– Сим! – рассмеялась Татьяна. – Нам нельзя евростандарт с никелированными ручками!

– Почему?

– Потому что на четвертом этаже, где попытались поставить такие ручки, кто-то снял их на следующий же день!

– Кто? Там же приличные женщины работают!

– Сима! На нашем этаже работают не просто приличные женщины, а такие, которых мы сто лет знаем как облупленных! А вспомни, сколько раз мы с тобой пытались повесить на стенку туалетную бумагу, бумажное полотенце и поставить на раковину флакон жидкого мыла! И что? В этот же день снимали бумагу и уносили мыло! Ты можешь на кого-нибудь подумать?

– Не могу, – развела руками Сима.

– Вот и я не могу. Знаешь, Сима, это все от того, что нет у нас привычки жить красиво. Нам лишь бы как-нибудь, лишь бы перетоптаться, а потом – быстренько к телевизору, смотреть на чужую красивую жизнь и ахать.

– Вот я и не хочу больше топтаться и ахать! Клянусь, мы вылезем с тобой из этого перфорированного заведения, его ржавых бачков и объятий Владимира Ильича Ленина! Если надо, и курить бросим! Силы воли у нас хватит!

– Ну вот! Пожалуйста! Полюбуйся! – Сима бросила на стол у Татьянинаго кульмана слегка помятый, но очень яркий газетный лист. – Мою идею гейшинизма перехватили! Я же чувствовала, что она носится в воздухе!

Татьяна взяла в руки газету очень осторожно, будто ядовитого паука, и быстрым взглядом обвела колонки.

– Ну и где тут про гейш? – строгим голосом спросила она.

– Вот! Пожалуйста! – Сима ткнула кровавым ноготком в объявление внизу страницы. – Мужики нас с тобой обштопали! Не такие дураки оказались, как я о них думала.

– Не вижу никаких гейш! – раздраженно бросила Татьяна.

– Ну, не будь такой примитивной! Разве мужчины могут выступать в роли гейши! Они кое-что получше придумали! Вот гляди: фирма «Муж на час»!

– Во дают! – восхитилась Татьяна. – Я, пожалуй, закажу! Класс! И, главное, замуж за Вадика выходить не надо! Только... Симонка, тебе не кажется, что у этой фирмы несколько странный логотип? По-моему у этого нарисованного мужика... автомат Калашникова... Не находишь?

– Таня! Это не автомат! Я думаю, что это электродрель. Видишь, провод вьется!

– Электродрель? Мужу на час? Садомазохисты, что ли?

Сима участливо вздохнула и покрутила у виска пальцем.

– Танька! Ты глазки-то вниз спусти! – предложила она. – Там все написано.

Татьяна хмыкнула и принялась читать:

– «Заменим электропроводку, прочистим засорившиеся трубы, прибьем карниз, постелем линолеум»... Ну-у-у... – разочарованно протянула она. – Это всего лишь бюро добрых услуг... А название так много обещало!

– Ты, как всегда, пропустила самое главное! Вот гляди! Под названием мелким шрифтом набрано: «В помощь одиноким женщинам без мужской опоры в семье...» Главное всегда мелким шрифтом печатают! Чуешь, куда ветер дует?

– Нет...

– Таня! Неужели ты не понимаешь, что они, эти «муж на час», – своеобразные гейши, только мужского рода и для женщин. Глупо мужикам стишки читать и танцевать, вот они и заменили эти очарования сменой электропроводки и прочисткой труб!

– Ты думаешь?
– Я не сомневаюсь! Сегодня же после работы позвоним в эту фирму.
– У меня, Сима, и проводка в порядке, и все карнизы на своих местах висят.
– У тебя кран в ванной течет, – вовремя вспомнила верная подруга.
– Вообще-то да... Течет...
– Ну вот! Вызовем, будто бы исправить кран!
– «Будто бы»? А на самом деле?
– Ну... Кран тоже не мешает привести в порядок. Починит, а там посмотрим, на что этот фирмач еще может сгодиться.

И Симона с энтузиазмом отправилась на свое рабочее место.

– Интересное дело! – возмущалась в телефонную трубку Сима. – Если женщина одинокая, то это вовсе не означает, что она еще и нигде не работает! В 10.00 мы... то есть я... на работе! Знаете, девушка, у меня такое впечатление, что я не в фирму «Муж на час» звоню, а пьянчужного водопроводчика из ЖЭКа вызываю!.. Ну, хорошо-хорошо... Пусть будет в 10.00! Завтра! Да, именно завтра! Записывайте адрес!

– Ну что? – спросила Татьяна, когда Симона бросила трубку.
– Представляешь, все вечерние часы у них расписаны уже на месяц вперед!
– И что?
– Ну... Не ждать же месяц! Пришлось согласиться на десять утра, зато завтра.
– Может, стоило подождать месячишко? Определить линию поведения? А, Сим?
– Тебе дай волю, так ты лет пять будешь определять линию поведения! Там же всех мужиков растащат! Не случайно же в Питере такой спрос на «Мужа на час»!
– Сима! А как же с работой?
– Как-как! Ты останешься дома, а я оформлю тебе отгул. У тебя есть отгул?
– Откуда?
– Вот именно... Откуда... – разочарованно повторила за Татьяной Сима, но тут же воспряла духом: – Что ж! Придется оформить день за свой счет!
– А может, все-таки не надо? Кран не так уж сильно и течет... И счет у меня... очень маленький...

– Нет, милая! Ковать железо надо, пока оно горячо! Мы просто обязаны выяснить, что представляет собой на самом деле эта фирма. Может быть, все эти текущие краны и отвалившиеся карнизы – всего лишь ширма, за которой обделываются совершенно другие делишки!

– Какие? – с ужасом прошептала Татьяна.
– Не такие, какие ты подумала, – махнула рукой Сима. – Я считаю, что эта фирма – вариант бюро знакомств, и какой-нибудь «Муж на час» вполне может стать мужем на более продолжительный период времени!
– Да? А зачем тогда краны и карнизы?
– Ну... Чтобы клиентки могли посмотреть на соискателей их рук и сердец в деле! Любовь, как сказал поэт, не вздохи на скамейке и не прогулки при луне. Любовь – это прежде всего совместный быт, когда без остановки текут краны, отваливаются карнизы и засоряются унитазы!

– Сима! А если ты все-таки ошибаешься, и «Муж на час» – обыкновенное бюро добрых услуг?

– В таком случае мы тоже останемся в выигрыше, потому что кран наконец починят, и он перестанет течь!

Татьяна нервно походила по комнате, остановилась и жалобно произнесла:

– Симона! А может, ты тоже возьмешь день за свой счет? Одной мне как-то... не того... страшно!

– Я и сама об этом думала, потому что на тебя надежда плохая, но шеф ни за какие коврижки не отпустит нас вдвоем одновременно.

– Но ты все-таки попытайся!

– Разумеется, попытаюсь. Одна ты можешь загубить все дело!

В 8.30 следующего дня Сима позвонила Татьяне со службы и сказала, что день за свой счет ей оформила, а сама пока вырваться не может. Шеф вернул ей в переделку чертеж и вообще рвал и метал по поводу неправильно сделанного ею разреза крышки сосуда низкого давления.

В 9.45 Татьяна почувствовала, что волнуется до такой степени, будто действительно ожидает не банального водопроводчика, а претендента на руку и сердце. На нервной почве у нее так потели ладони, что она поминутно вытирала их носовым платком. Последний раз она была в таком взвинченном состоянии много лет назад, когда самый красивый мальчик их десятого «Б» Виталик Зарубин неожиданно пригласил ее прогуляться по вечернему городу. Татьяна тогда от необычных переживаний неприлично потела вся, с ног до головы, но, поскольку была в пальто, шапке и сапогах, Виталик этого не заметил. Татьяна боялась, как бы Зарубин от полноты чувств не взял ее за мокрую руку, и от этого потела еще больше. Но Зарубин не взял. Вскоре выяснилось, что он вовсе и не собирался ее брать ни за руку и ни за какие другие части тела, а потому ему было абсолютно наплевать, вспотела она или нет. В конце романтической прогулки он попросил Татьяну передать ее подруге Тамаре скатанную трубочкой записку и сказать, что он будет ждать ее с ответом завтра, в шесть часов вечера на углу между магазинами «Овощи – фрукты» и «Галантерея». Записку Татьяна передала, даже не удосужившись ее прочитать. Вместо здорового любопытства она чувствовала только нездоровую обиду на Зарубина, так подло ее использовавшего. Между тем записка оказала свое действие: почти сразу после выпускного вечера Тамара с Виталиком поженились и исчезли из поля зрения Татьяны.

И вот сегодня в ожидании мастера из фирмы «Муж на час» она трепетала точно так же, как в юности перед Виталиком Зарубиным. Самый верный признак того, что ее опять прокатят, как с той запиской. Всяческие красавцы-Виталики и мужья на продолжительное время – не про ее честь!

Когда ровно в 10.00 раздался звонок в дверь, Татьянино сердце ухнуло, как ей показалось, со звуком полуденного выстрела пушки со стен Петропавловской крепости. На дрожащих ногах она пошла открывать. В дверном проеме очень невыгодно смотрелся тощенький низенький мужичонка лет шестидесяти в форменном темно-голубом комбинезоне, кепке с большим козырьком и со стильным плоским чемоданчиком, сквозь прозрачный синий корпус которого хорошо просматривались инструменты.

– «Мужа на час» вызывали? – проскрежетал мужичонка.

Говорить Татьяна не могла, потому только кивнула и приглашающе распахнула пошире дверь, а потом воровато оглядела лестничную клетку. Только бы соседи не слышали, как к ней заявился муж на час. Потом не отмоешься!

Мужичонка зашел в квартиру, вынул из огромного кармана фирменный блокнот с логотипом «Муж на час», перелистал его и тем же скрежещущим голосом спросил:

– Итак, хозяйushка, где же у нас текущий кран?

Татьяна все так же без слов распахнула перед ним дверь в ванную и окатила таким ненавидящим взглядом, будто мужичонка силой ворвался в ее квартиру и теперь насильно собирается чинить кран. Надо отдать должное выдержке «Мужа на час», потому что он никоим

образом не отреагировал на Татьянину неприветливость, а, весело насвистывая, принялся за работу.

Татьяна уселась в кухне на табуретку и задумалась. И чего она на дядьку вызверилась? Водопроводчик как водопроводчик... Впрочем, даже лучше, чем обычный: не пьяный, чистый, вежливый. И кого она ждала? Неужели мачо с рекламного щита с разводным ключом в руках вместо сигарет? Эта Симонка совсем задурила ей голову! «Муж на час» – обыкновенное бюро добрых услуг со специальным коммерческим названием, чтобы глупые тетки в очередь записывались, а фирме деньги текли неиссякаемым ручьем. А ей, Татьяне, совершенно не нужен муж ни на час, ни на всю оставшуюся жизнь. Она уже давно свыклась с мыслью, что всегда будет одна. В своем одиночестве она даже находила несомненные преимущества перед отягощенными бытом сослуживицами. Ей не надо было нестись от кульмана в магазин, потом вставать к плите, ублажать мужа, драть за уши непослушных детей и краснеть за них на школьных собраниях. Она могла убираться в квартире и стирать свое белье тогда, когда ей вздумается. Питалась она преимущественно полуфабрикатами, и у нее оставалась масса времени на книги, фильмы, музыку и походы по выставкам. Особенно Татьяна жалела сотрудниц перед Новым годом. Всю неделю накануне они в мыле бегали по магазинам за подарками и продуктами, в обеденные перерывы стриглись по записи в соседней парикмахерской, а 31 декабря сидели за кульманами как на иголках, потому что дома их ждали недоваренные холодцы, подошедшее тесто и тазики, приготовленные для салата «Оливье». Даже Сима, у которой была маленькая семья, носилась вместе со всеми, как угорелая кошка, пекла, жарила и варила, чтобы потом неделю скармливать свою стряпню одинокой Татьяне. В новогоднюю ночь подруги не встречались, потому что ровно в 21.00 Рудельсоны, завернув в одеяла ледяной холодец и горячие ватрушки, отправлялись праздновать к Симиной маме. Такая у них была ежегодная традиция. Татьянина традиция заключалась в том, что она покупала себе какого-нибудь (все равно какого) вина, пару-тройку упаковок корейских салатов и большой торт. Все это она съедала-распивала у телевизора, одетая все в тот же свитерок и джинсы, в каких была на работе. Просматривая программу за программой, Татьяна, конечно, завидовала тамошним женщинам. Ей тоже хотелось бы, улыбаясь на всю страну, держать за тонкую ножку изящный фужер и чокаться с красивым, как телевизионный ведущий, мужчиной. Но мужчины рядом не было, и она утешала себя тем, что пьет дрянное вино только потому, что не умеет открывать шампанское, а телевизионный ведущий, когда приходит домой, наверняка, делается самым обыкновенным чьим-то мужем в тренировочных штанах и шлепанцах на босу ногу. Кому они, такие мужья, нужны? В новогоднюю ночь Татьяна демонстративно курила в комнате, чего ни в будни и ни в какие другие праздники себе не позволяла, и боролась со сном до тех пор, пока он ее все-таки не одолевал. Она рада была, когда ее одолевал именно сон, а не зеленая тоска, и с сознанием хорошо встреченного Нового года ложилась спать примерно в час ночи.

Надо сказать, что праздники Татьяна почему-то переживала более героически, чем будни. Очевидно, все дело было в том, что в праздники она давала себе установку не расслабляться и четко следовала ей. Но не будешь же вечно жить с задавленными желаниями и перекрытым кислородом. Именно в будни на нее нападала страшная тоска и такое физическое томление, что она готова была идти на улицу, чтобы затащить к себе домой первого попавшегося мужчину. Конечно, приходилось как-то выкручиваться. Она действительно шла на улицу, но на мужчин не бросалась. Она покупала в соседней кондитерской штук шесть самых вкусных пирожных. Потом возвращалась домой, наливала в любимый бокал с красными цветами крепчайший кофе и ставила в музыкальный центр диск с записями концертов Дмитрия Хворостовского. Под его потрясающий баритон Татьяна до одурения объедалась пирожными, как в Новый год, – и успокаивалась. Поскольку к полноте она не была расположена, об этих ее оргиях никто не догадывался, даже Сима Рудельсон.

Казалось бы, приход маленького тощего мужчины-водопроводчика ничего не изменил в уже установившейся Татьяниной жизни. Однако она никак не могла понять, отчего вдруг так защемило сердце. Таня уронила голову на стол и уже собралась вслух рыдать, когда распахнулась входная дверь, и в квартиру влетела Сима со скрученным в жгут шарфом и в съехавшей на затылок мафиозной шляпе.

– Фу!!! – выдохнула она. – Все-таки вырвалась! Ты не представляешь, чего мне это стоило! Ну?!! Пришел?!!

Татьяна, раздумав рыдать, картинно выбросила руку в направлении ванной. Сима, скинув пальто, резко открыла дверь.

– Здра-а-ась... – пробормотала она и тут же закрыла ванную с выражением такой гадливости на лице, будто кран там чинила грязная вонючая обезьяна.

– Так! – заключила Сима, уже сидя в своей шляпе рядом с Татьяной за кухонным столом и барабана по нему красными безупречными ногтями. – Неужели это самое тривиальное бюро добрых услуг? Не ожидала! Да-а-а... Не о-жи-да-ла!!! С таким названием и – краны чинить! Идиоты! Умалишенные!

– Ну почему сразу умалишенные? – вступилась за фирму Татьяна. – Это мы с тобой не тем, чем надо, озабоченные идиотки.

– Нет, Танечка, мы с тобой озабочены как раз тем, чем надо! Чем все одинокие женщины озабочены! И эти... фирмачи, они тоже не могут этого не понимать, а потому что-то тут не так! Не верю я, что они всех бабешек так на мужиков разводят! Не верю! К ним же запись на месяц вперед! Не на этого же мухортенького мужичка!

– Принимай работу, хозяйка! – из ванной показалась голова в кепке с большим козырьком.

– Сидеть! – приказала вскочившей Татьяне Сима и самолично отправилась в ванную.

Шум воды, которая во весь напор шпарила из починенного крана, заглушал голоса Симы и фирмача в кепке, поэтому Татьяна никак не могла разобрать, о чем они говорят, и очень удивилась, когда они вышли из ванной большими друзьями.

– А какие еще работы производит ваша фирма? – воркующим голосом спросила Сима.

– Разные, хозяйка, разные! – с сияющим лицом докладывал ей фирменный мужичонка, радуясь, что не приходится вести переговоры с хмурой и бледной Татьяной. – У нас мастера на все руки!

– А если надо, скажем... – Сима обвела выразительным взглядом щуплую фигурку в кепке, – к примеру... пианино к нам на шестой этаж затащить... Покрепче вас... найдутся?

– У нас, хозяйка, всякие найдутся! Распишись-ка вот в квитанции. – И он выложил на стол фирменный листок. – У нас какие хочешь найдутся!

– Что, и молодые есть? – самым безразличным тоном спросила Сима, вырисовывая на квитанции замысловатую роспись.

– Ну... очень-то молодых нет. У нас все мастера со стажем, только таких на работу принимают. Чтобы, значит, рекомендации были. Самые молодые – это лет тридцать пять – сорок.

Симона за спиной мужичка заговорщически подмигнула Татьяне и еще более невинным и незаинтересованным тоном спросила:

– И какие ж специальности можно приобрести к таким-то летам?

– Ну... так всякие... плитку там положить или линолеум настелить... или, опять же, проводку поменять... К тридцати годам всякий наловчиться может. Это же не сантехника! К ней чутье особое нужно! А оно, милые дамочки, с годами приходит. – Он пересчитал врученные Симой денежные купюры и протянул обратно две десятки. – Перебор, хозяйка, обсчиталась!

– Нет-нет! Это вам! – Сима спрятала руки за спину и самым обворожительным образом улыбнулась. – За безупречность и быстроту работы!

Мужичок зарделся, как юноша на первом свидании, пробурчал что-то вроде «не положено нам», но все-таки не удержался и сунул чирики в карман. Потом поднял на Симу ставшие вдруг необыкновенно плутоватыми глаза, подмигнул ей и сказал:

– Вы в другой раз... того... если понадобится, сразу просите прислать Кузьмича. Это я, стало быть, буду: Николай Кузьмич Новичков – собственной персоной!

– Обязательно! Только вас! – Симона прижала руки к пышной груди, обтянутой той самой вышеупомянутой голубой кофточкой, которая предлагалась Татьяне для свидания с Вадиком. Многочисленные Симины браслеты энергично звякнули в подтверждение ее клятвы.

Мужичок игриво подмигнул Симе, и она решила, что пора задать самый главный вопрос.

– А почему у вашей фирмы такое двусмысленное название? – спросила она и очень фривольно улыбнулась.

– А-а-а... Это руководство придумало... Для завлечения клиентуры. На самом же деле «Муж» – это совсем не то, что все думают!

– Да?!! – в один голос вскрикнули Татьяна с Симой. – А что?

– Муж – это не в смысле... муж, который у жены, а муж в смысле – мужчина!

– Чуешь, Танька, в чем дело! – сказала Сима, когда за Николаем Кузьмичом Новичковым захлопнулась входная дверь.

– В чем?

– Они только на утренние часы посылают таких плоховатых мужичков, а на прайм-тайм – у них небось молодые бугаи имеются!

– Он же сказал, что совсем молодых у них нет.

– А нам молодняк и ни к чему! Значит, так! – Сима решительным шагом прошла по кухне, осматривая ее хозяйским глазом. – Придется класть плитку!

– С ума сошла?! – встрепелась Татьяна. – Ты представляешь, сколько это будет стоить?

– А мы начнем со щадящего варианта.

– Это с какого же?

– Ограничимся туалетом и только до половины стены.

– Все равно это стоит кучу денег!

– Таня! Ты же знаешь, что у меня отложено на телевизор.

– Симка! Зачем же жертвовать телевизором?

При слове «жертвовать» из комнаты выползла Жертва и начала лениво пищать, что означало: «Раз звали, давайте есть!» Симона достала из холодильника кусок печени, шлепнула его в кошачью миску и сказала:

– Ты не велела мне говорить про Рудельсона, но, как видишь, приходится... Так вот: поскольку я ушла от него, то мне теперь абсолютно наплевать, какой у него телевизор, а у тебя есть еще вполне приличный «LG».

– Нет, Сима, я не могу принять от тебя такой жертвы, тем более что она может оказаться бесполезной.

Жертва кошачьего происхождения, которая в два приема расправилась с печенью, очень безобразно заголосила. В конце трапезы она всегда почему-то оказывалась гораздо голоднее, чем до ее начала.

– Пошла вон, обжора! – шуганула кошку Симона. – Таня! Это не такая уж большая... – Она приблизила свои яркие губы к Татьянинному уху и шепнула, чтобы кошка не слышала:

– ... жертва. Может, и мне что-нибудь отвалится! Я же поклялась изменить Рудельсону и сделаю это во что бы то ни стало!

– Сима, а вдруг у Фенстера плохой телевизор?

– Таня, неужели ты не понимаешь, что у фирмы «Муж на час» могут найтись экземпляры получше Юлика!

– Знаешь, Симонка, мне кажется, что ты все-таки преувеличиваешь... ассортимент услуг этой фирмы. И потом... я что-то не очень понимаю, что ты хочешь, разбогатеть или наставить рога Марку?

– Одно другому не мешает. Но... ты правильно заострила вопрос! Мы с тобой... мы с тобой... можем организовать антагонистическую фирму... скажем... «Жена на воскресенье». А? Как тебе?

– Сима! Тебе, как говорится, совсем в чердак надуло! – возмутилась Татьяна и решила сходить в ванную, чтобы самой наконец проверить свежечиненный кран.

Сима тут же протиснулась в ванную следом.

– Нет! Ты неправильно поняла! Это же совсем не то, что ты думаешь! Мы тоже организуем обыкновенное бюро добрых услуг для одиноких мужчин! Обед воскресный сварить... или там... постирушку устроить, пуговицы пришить...

– Симона! – строгим голосом сказала Татьяна. – Ты меня достала! Никакой нормальный одинокий мужчина не воспримет «Жену на воскресенье» как кухарку или прачку. Он воспримет ее как девочку по вызову.

– А мы подберем женщин в возрасте!

– Тогда это будут тетеньки или бабушки по вызову!

– А мы прямо в объявлении напишем, что жена – это не в смысле жена, у которой муж, а жена в смысле – женщина!

– Все равно, – устало махнула рукой Татьяна.

Но подруга уже не слушала ее, погрузившись в размышления.

– И зачем мы притащились на этот день рождения? – мрачно проронила Сима, откусив чуть ли не половину яблока зараз. – Ты только посмотри на этот стол! Мы уже часа два за ним сидим, а еды все не убавляется. И вина тоже! Все мужичье уже, по-моему, в стельку! Слушай, а может, у Гришмановской скатерть-самобранка?

– А я тебе говорила, давай не пойдем, – напомнила подруге Татьяна, пропустив самобранку мимо ушей. – А ты все: «Не киснуть же дома с Жертвой, не киснуть же дома с Жертвой...» Вот и кисни теперь с пьяными гостями Гришмановской!

– Если честно, Танька, то я и сама не слишком трезвая, но и пить, и есть мне надоело уже до смерти. Давай уйдем!

– И как ты себе это представляешь? – Татьяна кивнула на расстилающийся перед ними огромный стол, со всех сторон окруженный сотрудниками их КБ. – Мы же привлечем к себе всеобщее внимание, если сейчас затеем выбираться из-за стола.

– Да... пожалуй... – согласилась Сима. – А как ты думаешь, танцы будут?

– Откуда мне знать. Но сидеть над этой жратвой нет уже никаких сил.

– Тань! А Дунаев все-таки глаз с тебя не сводит! Вот чтобы не встать мне с этого места!

– Не преувеличивай, Сима, а то действительно не встанешь и до конца жизни будешь есть Иринины салаты! А они, представляешь, вот как сейчас, не будут кончаться!

– Ну вот! Опять! Смотрит! – пихнула Татьяна локтем Сима. – У меня на это дело глаз наметан!

– Может, он на тебя смотрит?

– Каждая женщина всегда чувствует, когда на нее смотрят!

– В таком случае Дунаев смотрит не на меня, потому что я его взгляда не чувствую, – заявила Таня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.